

УДК 81'42

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2944>

**РЕЛИГИОЗНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ АКТУАЛЬНОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

**(Рец. на кн.: Анисимова Е. Е. Религиозный дискурс : функциональный
и антропологический аспекты. М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 2019. 240 с.)**

Л. И. Гришаева

Воронежский государственный университет

**RELIGIOUS COMMUNICATION
AS THE OBJECT OF CURRENT LINGUISTIC RESEARCH**

**(Review of Anisimova E. E. Religiozniy discours : functional'nyj
i antropologicheskij aspekt [Religious discourse : functional
and anthropological aspects]. Moscow : Moscow State Linguistic University,
2019. 240 p.)**

L. I. Grishaeva

Voronezh State University

Анализируемая монография посвящена изучению взаимодействия языка и религии, что автор монографии, Е. Е. Анисимова, характеризует как интенсивно разрабатываемую с разных позиций область лингвистических исследований. К последним, в которых так или иначе затрагивается обсуждаемая в монографии проблематика, автор причисляет теологическую герменевтику, когнитивную лингвистику, лексикологию, лексикографию, стилистику, лингвистику текста, дискуртологию, социолингвистику, лингвистическую географию, компьютерную лингвистику (с. 5).

Таким образом, очевидно, что задумано междисциплинарное исследование, позволяющее объяснить, как язык, будучи средством познания и коммуникации, используется носителями языка и культуры в разнообразных коммуникативных условиях, объединенных тематикой (религия и все так или иначе связанные с ней темы), сходством идентичности (доминирование духовного при общении с другими коммуникантами; христианская система ценностей и основанные на ней устремления и социальные установки;

самоидентификация себя как человека верующего и др.), образом жизни и действий, а также предпочтениями при выборе стратегий взаимодействия с другими – «своими» и «чужими» – носителями языка и культуры в конкретных коммуникативных условиях.

Такие характеристики, как гибридность, прецедентность, образность, креолизованность, выделяемые автором рецензируемой книги в качестве наиболее важных для изучаемого типа коммуникации, многие исследователи определяют как знаковые для разнообразных типов текста, бытующих в разных коммуникативно-прагматических условиях. Поэтому исследование, в фокусе которого оказываются названные выше признаки, может заинтересовать, вне всякого сомнения, лингвистов, специализирующихся на разных лингвистических приемах и тяготеющих к различным теоретическим направлениям. Кроме того, рецензируемая монография определенно привлечет внимание и широкого круга лиц, «интересующихся проблемами взаимодействия языка и религии, создания интегративной науки о человеке» (с. 2), как

© Гришаева Л. И., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

справедливо полагает автор книги, Елена Евгеньевна Анисимова, уже много лет анализирующая под разными углами зрения религиозную коммуникацию во всех ее проявлениях.

Рецензируемая книга, информируя читателя о современном состоянии исследований религиозного дискурса в лингвистике (с. 2), предлагает на основе полевого подхода типологию религиозного дискурса и содержит описание разных его видов, которые распределяются по ядерной, окооядерной зонам, а также зонам ближней и дальней периферии. Такое решение автор монографии обосновывает своей трактовкой изучаемого феномена, сложившегося в процессе глубокого анализа различных точек зрения. Религиозный дискурс, согласно мнению Е. Е. Анисимовой, – это «...совокупность коммуникативных действий, событий, текстов, относящихся к предметной области «религия», целью которых является: общение человека с Богом; взаимодействие верующих для сохранения, передачи религиозного знания, организации внутрицерковной жизни; поддержание отношений церкви с обществом и распространение веры среди неверующих» (с. 14).

Материалом для исследования послужили разнообразные примеры из немецкоязычного католического дискурса и русского православного дискурса. Свое решение автор объясняет единым христианским духовным основанием для обеих конфессий, а также развитием и укреплением межконфессиональных связей в современном мире (с. 5). Подобный подход к выбору эмпирического материала обещает исследователю в конечном итоге серьезные преимущества, поскольку на единых теоретических основаниях предполагается анализировать разнообразные в культурологическом, социокультурном, социопсихологическом, социолингвистическом, психолингвистическом отношении средства реализации сопоставимых и/или тождественных интенций носителей языка и культуры. А это при изучении функционирования языковых средств представляется однозначным преимуществом по сравнению с иными подходами. Кроме того, автор приводит также примеры на латинском, греческом, древнеславянском языках, ненавязчиво предоставляя читателям монографии возможность сопоставлять особенности функционирования языковых средств в разных языковых культурах.

Анализ разных видов дискурса позволяет решить многочисленные научные задачи. Так, для раскрытия образа Святых привлекаются житийный, искусствоведческий, религиозно-популярный, автобиографический виды дискурса; личность церковного лидера показывается через описание гомилитического, биографического дискурса, а также через изучение исторических анекдотов. Образ мирянина раскрывается через описание разных категорий людей, по-раз-

ному проявляющих свои качества в разнообразных ситуациях: это политики, артисты, телеведущие и др. Решение этой научной задачи обеспечивается анализом высказываний разных адресантов в СМИ по вопросам веры, их религиозного опыта и т. п.

Исследование богато иллюстрировано: это содержательно и формально разнообразные примеры из текстов разных типов на немецком и русском языках, креолизованные тексты, активно функционирующие в разных коммуникативных условиях в различных культурах и субкультурах. Следует еще раз подчеркнуть, что материал для анализа черпается из двух языковых культур – немецкой и русской, а также из разных социокультурных пространств, в которых доминируют католические и православные ценностные ориентации и соответствующие конфессиональные традиции. И подобные исследовательские действия помогают автору и читателю получать сведения о диалектике общего и специфического в христианстве, в котором при единстве основополагающих ценностных ориентаций и постулатов имеют место существенные различия в образе жизни верующих, символике, ритуалах, организации пространства, одежде, трактовке понятий и пр.

Такое богатое разнообразие проявлений религиозной коммуникации позволяет доказательно охарактеризовать религиозный дискурс как гибридный и креолизованный. Е. Е. Анисимова констатирует уже в предисловии: «Гибридность религиозного дискурса проявляется в “размытости” границ между отдельными видами религиозного дискурса, в сочетании в них признаков разных видов дискурса. Креолизованность является результатом соединения в религиозном дискурсе элементов разных семиотических кодов: вербального, иконического, кинесического, музыкального и др.» (с. 6). Названные признаки осмысляются как «источники информационного насыщения религиозного дискурса, расширения его прагматических потенциалов» (с. 6), что находит свое полноценное и убедительное подтверждение в последующих главах.

Книга имеет логичную структуру, базирующуюся на авторской трактовке религиозного дискурса (см. дефиницию выше) и роли языка в религиозной коммуникации: композиционными компонентами монографии являются предисловие (с. 5–7), заключение (с. 225–226), литература (с. 227–238) и две части (с. 9–131, 133–224), которые фокусируют анализ вокруг относительно самостоятельных предметов рассмотрения избранного объекта исследования. Обе части весьма сбалансированы: восемь глав содержит первая часть, семь – вторая.

В первой части, названной «Функциональный аспект религиозного дискурса» (с. 9–131), осмысляется изучаемый феномен «религиозный дискурс»,

описываются разные типы классификации религиозного дискурса, известные по специальной литературе на разных языках. В качестве результата глубокого и тонкого анализа предлагается и обосновывается собственная классификация религиозного дискурса, учитывающая максимальное количество гетерогенных параметров, организованных в некоторую систему. Основными критериями для распределения жанров в поле религиозного дискурса автор называет следующие: авторитетность (святость), единичность (уникальность, регулярная воспроизводимость в неизменном виде) / множественность реализаций жанра, характер субъектно-адресатных отношений, функциональная сфера (с. 22).

В итоге в опоре на полевой подход описываются отдельные виды/жанры дискурса. При этом сакральный и литургический дискурсы характеризуются как относящиеся к ядерной зоне (с. 23), административно-юридический, гомилетический, теоретико-теологический и популярно-религиозный дискурс (с. 24–25) интерпретируются как входящие в околоядерную зону постулируемого поля. Религиозный газетно-публицистический, религиозный научно-популярный дискурсы описываются как элементы ближней периферии (с. 25–26), а религиозно-бытовой, религиозно-художественный – как элементы зоны дальней периферии (с. 26–27). Целесообразно обратить внимание на интерпретацию автором соотношения религиозного и теологического дискурсов, что уже довольно длительное время является предметом дискуссии среди специалистов. Автор не останавливается на разборе различий в трактовке названных феноменов, очевидно, из-за целеполагания своего исследования, однако последовательное использование соответствующих терминов убеждает в том, что для Е. Е. Анисимовой термин «религиозный дискурс» является более широким по сравнению с термином «теологический дискурс».

Типология религиозных жанров (в ряде случаев автор в качестве синонимического к названному термину использует термин «вид дискурса») учитывает и тонкую дифференциацию последних в опоре на особенности целеполагания в процессе взаимодействия между коммуникантами, разнородные индивидуальные и общие для всех коммуникантов анализируемой категории особенности адресанта и адресата, а также специфику текстов, используемых и/или порождаемых в соответствующих коммуникативных условиях (с. 23–27).

На предлагаемую в монографии типологию религиозного дискурса следует обратить особое внимание по ряду причин. Во-первых, эта классификация опирается на системное осмысление гетерогенных параметров, обеспечивая системное, комплексное многоаспектное описание классифицируемых фено-

менов. Во-вторых, предлагаемая типология учитывает разную степень проявления различных свойств описываемых видов/жанров дискурса, в зависимости от тех или иных факторов. В-третьих, полевой подход позволяет автору объяснить многочисленные случаи гибридизации между анализируемыми видами/жанрами религиозного дискурса, с одной стороны, и связи с другими видами дискурса – с другой. В-четвертых, при изложенном подходе можно, опираясь на знание о функциональном потенциале гетерогенных языковых средств и их разнообразных свойствах, дать исчерпывающий комментарий очевидной специализации тех или иных языковых средств на определенные коммуникативные и когнитивные задачи. Другими словами, все постулаты теории поля при изложенной трактовке соблюдаются. Сказанное убеждает читателя тем самым в том, что в дальнейшем предложенная типология видов/жанров религиозного дискурса будет востребована исследователями последующего.

Вместе с тем нельзя не признать, что решение автора в пользу полевого подхода в качестве теоретического фундамента для анализа видов дискурса может вызвать теоретическую дискуссию, поскольку до сих пор к представлениям о поле лингвисты прибегали при описании/изучении комплекса языковых средств; ср. лексико-семантическое поле, семантическое поле, лексико-фразеологическое поле, функционально-семантическое поле, поле средств обозначения концепта и т. п. Дискурс же имеет по сравнению со средствами выражения того или иного значения принципиально иную природу, что требует развернутых теоретических пояснений. Следовательно, концепция Е. Е. Анисимовой способствует развитию лингвистической мысли и тем самым приращению нового теоретического знания.

Анализируя разные коммуникативные события, сопровождающие многочисленные виды религиозной коммуникации, Е. Е. Анисимова отмечает многожанровость религиозного дискурса, отсутствие единого основания и неразработанность критериев для его дифференциации (с. 14). Результатом отмеченного автором положения дел в исследуемой области стала констатация объективной сложности для систематизации религиозных текстов, вытекающая из текстологических лингвистически значимых особенностей этих текстов:

- уникальность и гибридность Священных книг (с. 14–15);
- выражение одной и той же коммуникативной интенции разными жанрами (с. 15);
- классификационная неоднозначность религиозных жанров (с. 15);
- стилистическая неоднородность религиозного жанра (с. 16);

– «размытость» границ религиозного жанра (с. 16);

– транспозиция религиозных жанров (с. 16).

Перечисленные признаки, полученные в процессе обобщения наблюдений над обширным эмпирическим материалом, не только называются, но и комментируются и иллюстрируются, что способствует прозрачности рассуждений и осмыслению читателем позиции автора монографии.

Для рецензируемой монографии свойственна интересная манера изложения наблюдений над анализируемым материалом и оригинальный способ иллюстрирования формулируемых обобщений: при констатации наиболее значимых тенденций и закономерностей, выявленных в процессе исследования сложного материала (см. выше), и интерпретации полученных результатов автор стремится на отдельных этапах исследования сконцентрироваться не столько на описании общих для изучаемого феномена характеристиках, сколько на акцентировании специфики отмеченных общих признаков, наблюдаемой при реализации тех или иных функций в определенной коммуникативной сфере/среде. Например, анализируя средства и способы реализации аргументативной стратегии в гомилическом дискурсе, в частности в духовном послании, Е. Е. Анисимова выделяет ряд тактик, детально описывая их и снабжая свои тонкие наблюдения глубоким комментарием: тактику идентификации адресанта/адресата (с. 46–47), оценивающую тактику (с. 47–48), декларативную тактику (с. 48–50), тактику самовыражения (с. 50), тактику демократизации церковных отношений (с. 51), тактику ободрения (с. 52), апеллятивную тактику (с. 52–53). При этом автор монографии тщательно характеризует лингвистически значимые характеристики языковых средств, используемых при реализации названной стратегии в языковой культуре.

Аналогичным образом дело обстоит и при описании популярно-религиозного дискурса, который автор разделяет на подвиды: информативный, агитационно-призывный, инвитаивный, духовно-разъяснительный, молитвенный (с. 56). Основное внимание автор уделяет выявлению типологических признаков популярно-религиозного дискурса: гибридность (с. 56), креолизованность (с. 57), призывность (с. 57), прецедентность (с. 57–60), образность (с. 60–74), подробно останавливаясь на наиболее значимых для религиозной коммуникации библейских образах, раскрывая символический и функциональный потенциал таких образов, как крест, свет, сердце, путь, пастух, рука, дверь, мост, камень, колодец, хлеб, чаша, радуга, виноградная лоза, дерево и др. Соответствующие комментарии представляют для читателя – носителя русской языковой культуры особый интерес,

поскольку в этой главе в основном приводятся на немецком и латинском языках.

Характеризуя литургический дискурс в главе «Особенности литургического дискурса (на материале католической мессы)», автор иллюстрирует проявление общих для этого вида дискурса свойств преимущественно языковым материалом из немецкой языковой культуры, хотя в рассуждениях присутствуют в качестве примеров и вкрапления на русском, древнеславянском, греческом, латинском языках. Как следствие, у читателя складывается благоприятное для восприятия научного исследования представление: он не только получает информацию о том или ином явлении, но и осмысливает диалектику общего и частного, универсального и культурно-специфического. Поэтому анализируемый языковой материал на немецком языке и осмысливается как иллюстрация общих характеристик литургического дискурса, как эти характеристики проявляются в конкретных социокультурных условиях: сакральность, ритуализованность, каноничность, иерархичность, диалогичность, гетерогенность (на языковом и семиотическом уровнях), драматургичность, эмоциональность, тождественность, целостность, членимость, связность, темпоральность, модальность (с. 30–40).

Отмеченная выше манера изложения наблюдается и при описании духовного послания как гомилического жанра религиозного дискурса (с. 41–53), а также популярно-религиозного дискурса (с. 54–74), религиозного научно-популярного дискурса (с. 75–90), религиозно-публицистического дискурса (с. 91–110), рекламного дискурса в православных СМИ (с. 111–120), православного кулинарного дискурса (с. 121–131).

Таким образом, очевидно, что знакомство с первой частью анализируемой монографии дает читателю объемное представление об общих и специфических проявлениях религиозного дискурса в католической и православной социокультурной среде, что весьма значимо как в культурологическом и антропологическом отношении, так и в лингвистическом (социо- и психолингвистическом, а также текстологическом) смысле. Это становится особенно важным, если обратить внимание на выбор Е. Е. Анисимовой материала для иллюстраций – он тесно связан с актуальными для современного общества событиями последних лет, что позволяет выявлять в том числе степень влияния секулярного общества и важных для него событий и процессов на особенности использования языка в качестве средства познания и коммуникации носителями современной языковой культуры (см. изучение автором средств конструирования имиджа церковных иерархов, изучение анекдотов о Папе как способе и средстве конструирования имиджа конкретного субъекта познания и коммуникации и др.).

Широкий охват материала при изучении функционального потенциала религиозного дискурса тем самым позволяет автору монографии констатировать, что «Религиозный дискурс как ни один другой охватывает все сферы жизни человека» (с. 225). И этот вывод воспринимается читателем как абсолютно обоснованный после знакомства с тщательным анализом бытовой (например, кулинарный дискурс), научной (например, гомилитический дискурс), медийной (например, публицистический дискурс), профессиональной (например, литургический дискурс) коммуникации в религиозном социокультурном пространстве на пример двух разных языковых культур.

Сделанные наблюдения, обобщения и соображения позволили автору наметить и новые области исследования религиозного дискурса, которые, согласно проведенному анализу, либо еще совсем не изучены лингвистическими приемами и методами, либо описаны фрагментарно и/или под отдельным углом зрения. К последним автор относит религиозно-художественный дискурс, богословский дискурс, административно-религиозный и религиозно-юридический дискурсы, Интернет и др. (с. 225).

Вторая часть книги под названием «Антропологический аспект религиозного дискурса» (с. 133–224) концентрируется на проблематике, так или иначе связанной с человеком как субъектом познания и коммуникации, его сознанием, духовным миром, его системой ценностей. Человек исследуется в монографии в пространстве сакрального с разных позиций: в частности, изучаются антропологический тип религиозного человека, феномен святости, столь значимый для верующего, религиозный человек как субъект познания и коммуникации, религиозный лидер в восприятии окружающих, средства и приемы создания образа человека в религиозном дискурсе и др.

При этом, описав такие антропологические типы, как Святой, иерарх церкви, мирянин, Е. Е. Анисимова отмечает сходные для всех перечисленных антропологических типов черты: теоцентрическая картина мира; осознание своего существования в мире материальном и мире религиозном; доминирование духовного Я; христианская система ценностей и основанные на ней устремления и социальные установки; самоидентификация себя как человека верующего; использование репертуара определенных речевых актов (призыв к Богу, славословие, благодарение Бога, упование, самоукорение и др.); владение определенным языковым кодом (конфессиональной лексикой, прецедентными именами и т. д.) (с. 225–226). Отмечая общее, свойственное всем антропологическим типам в изучаемых языковых культурах, автор тем не менее подчеркивает неповторимость каждого из носителей

соответствующих взглядов, т. е. индивидов как личностей (с. 226), и надеется, что «изучение феномена “религиозный человек” с лингвистических позиций во взаимодействии с другими науками – социологией, психологией, теологией, философией, когнитологией, антропологией, культурологией – послужит вкладом в создание интегральной науки о человеке» (с. 226).

Например, в главе 6 второй части «О конструировании образа Папы Франциска в жанре “исторический анекдот”» (с. 206–211) разнородные, разнообразные, разноуровневые языковые средства создания образа определенного антропологического типа распределяются по отдельным тактикам: тактика привлечения повышенного внимания к личности (с. 207); тактика изображения Папы как человека, склонного к заниженной самооценке и самоиронии (с. 208); тактика изображения Папы как активного пользователя современных информационных технологий (с. 208); тактика изображения Папы как фанатического фаната (с. 209); тактика изображения Папы как человека, склонного к непредсказуемым поступкам (с. 209–210); тактика изображения Папы как человека, имеющего чувство юмора (с. 210). Значимость сделанных автором обобщений возрастает, если принять во внимание материал, тщательно анализируемый в данной главе, – креолизованные и «традиционные» тексты, порожденные в немецкой языковой культуре. Сопоставление под разными углами зрения текстов разного типа с разной степенью креолизации имеет несомненную значимость и для теории текста, поскольку тем самым можно получить любопытные сведения о способах и средствах организации текста того или иного типа в содержательном и формальном отношении, а также о средствах выражения текстовых категорий при реализации коммуникантами разных стратегий.

Разнообразие антропологических типов, активно и пассивно действующих в религиозной коммуникации, как и в первой части монографии, последовательно учитывает диалектику общего, присущего всем христианским конфессиям, и специфического, свойственного отдельным христианским конфессиям и языковым культурам. Так, образ святого рассматривается через анализ житийного дискурса (с. 148–163), искусствоведческого дискурса (с. 164–174), автобиографического дискурса (с. 175–193), анализ лексической составляющей коммуникации (с. 135–147). Средства конструирования образа конкретного человека изучаются на примере отзывов современников (с. 194–205), текстов исторических анекдотов (с. 206–211), а также религиозном газетно-публицистическом дискурсе (с. 212–224).

Во второй части книги автор фокусирует свое внимание на стратегиях и тактиках, реализуемых в различных коммуникативных условиях при религи-

озной коммуникации, а также на разнородных, разнородных языковых средствах достижения соответствующих целей носителями языка (немецкого и русского) и культуры. Это позволяет гармонично соединить функциональный и стратегический подходы в лингвистическом исследовании особенностей организации текстов разных типов.

Так, автор детально характеризует разнородные языковые средства, по которым можно определенно охарактеризовать конкретный текст как относящийся к православному кулинарному (с. 124), перечислить наиболее значимые функции соответствующих текстов (с. 125), наконец, выявить признаки религиозного дискурса в разнообразных кулинарных текстах и детально описать эти признаки: апелляция к Богу (с. 126), ценностный потенциал (с. 126–128), интертекстуальность (с. 128), гибридность, проявляющаяся, по мнению автора, в четырех ракурсах (с. 128–131).

Следует заметить, что Е. Е. Анисимова не останавливается на таких дискуссионных вопросах, активно обсуждаемых в специальной литературе, как соотношение дискурса и текста, особенности использования терминов «жанр», «тип текста», «формат дискурса», а также соотношение понятий «стратегия» и «тактика». Это и понятно, поскольку автор в самом начале книги сознательно ограничивает сферу своих научных интересов – религиозный дискурс – и последовательно решает такие важные и чрезвычайно сложные задачи, как типологизация религиозного дискурса, выявление связей внутри комплекса разнородных видов религиозного дискурса, определение классификационных оснований для характеристики отграниченных видов дискурса, наконец, описание специфики функционирования разнородных языковых средств и их специализации на ту или иную конкретную коммуникативную и когнитивную задачу. Поэтому автор книги также не стремится провести последовательное сопоставление языковых средств, используемых в разных языковых культурах при решении их носителями однотипных когнитивных и коммуникативных задач, тем более что в книге присутствуют ссылки на подобные специальные исследования, проведенные другими учеными на ином языковом материале.

Книга легко читается, так как она написана ясным языком, не перегруженным терминологией, что весь-

ма важно, поскольку изучаемая область – религиозная коммуникация – весьма богата специфической лексикой, в том числе и богословской терминологией.

Особо хотелось бы сказать также о разделе «Литература», поскольку здесь содержатся отсылки к специальным публикациям на обсуждаемую тему на разных языках по разным проблемам гуманитарного знания, многие из которых мало известны широкому кругу исследователей. Поэтому этот список можно рекомендовать начинающим исследователям, решившим специализироваться на изучении религиозного дискурса, в качестве обязательной литературы.

Подводя итоги анализу интересной книги, необходимо подчеркнуть, что она содержит много важных наблюдений относительно функционирования языка как средства познания и коммуникации, поскольку в ней показан не только развернутый, тонко дифференцируемый потенциал языка, но и специализация его разнородных средств на конкретную коммуникативную и когнитивную задачу, которую решают носители языка и культуры с вполне определенными разнородными характеристиками.

Отмеченное обстоятельство позволяет вписать монографию Е. Е. Анисимовой в современную лингвистическую парадигму изучения языка, с одной стороны. С другой стороны, новизна предложенной оригинальной типологии религиозных жанров/текстов, базирующаяся на системном анализе, учитывающем комплекс разнородных параметров, свойственных изучаемому феномену, непротиворечиво соединяет различные подходы: полевой, когнитивный, текстологический, дискурсивный, стратегический – со свойствами им приемами анализа языковых средств. Нет сомнения в том, что новая задача, которую автор, Е. Е. Анисимова, стремится решать в дальнейшем – «исследование образа человека в православном и католическом дискурсах» (с. 226) – найдет своих последователей, которые могут решать поставленную исследовательскую задачу на ином языковом материале, углубляя тем самым представления о языке как средстве познания и коммуникации, как культурного кода, с помощью которого фиксируются, транслируются, обрабатываются сведения о мире, обеспечивая успешность процессов социализации членов общества в соответствующее общество и поддерживая культурную идентичность каждого из единичных субъектов и коллективного субъекта в целом.

*Воронежский государственный университет
Гришаева Л. И., доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии
E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru*

*Voronezh State University
Grishaeva L. I., Doctor of Philology, Professor of the German Philology Department
E-mail: grischaewa@rgph.vsu.ru*

Поступила в редакцию 16 февраля 2020 г.

Принята к публикации 15 июня 2020 г.

Received: 16 February 2020

Accepted: 15 June 2020

Для цитирования:

Гришаева Л. И. Религиозная коммуникация как объект актуального лингвистического анализа (Рец. на кн.: Анисимова Е. Е. Религиозный дискурс : функциональный и антропологический аспекты. М. : Моск. гос. лингв. ун-т, 2019. 240 с.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 140–146. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2944>

For citation:

Grishaeva L. I. Religious communication as the object of current linguistic research (Review of Anisimova E. E. Religiozniy discours : functional'nyj i antropologicheskij aspecty [Religious discourse : functional and anthropological aspects]. Moscow: Moscow State Linguistic University, 2019. 240 p.). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020. No. 3. Pp. 140–146. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2944>